„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 8 (412)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши, Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г —3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ—150 фр., за ½ г.— 75 фр., за ¼ г. —40 фр. За перем. адр.—1 фр Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

29 Апреля 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Первомайское воззвание РСИ

РАБОЧИЕ! ТОВАРИЩИ!

За три четверти века своего организованного существования международное рабочее движение знавало уже и часы побед и моменты поражений.

Социалистический Интернационал никогда не скрывал от вас те трудности, которые стоят на пути освободительной борьбы рабочего класса.

В настоящий момент фашизм воздвиг свое **варварское господство** над половиной Европы. Он удушает независимые народы и грозит распространить свое господство еще дальше. Если его натиску не будет положен предел, пока еще не поздно, то предотвратить его **мировое господство** можно будет только ценою ужасной войны, к которой диктаторы нас толкают.

Международное право попирается ногами. Повсюду нагромождаются вооружения. Насилие царит над миром.

Каким образом человечество могло дойти до такого состояния?

Это случилось,

потому что часть имущих классов, испугавшись мощного под'ема рабочего класса, предпочла пожертвовать свободой, — той самой свободой, которую буржуазия некогда завоевала ценой грандиозных боев, — и спрятаться за спину диктаторов, которые хотя и отняли у них человеческие и гражданские права, но зато обеспечили им дальнейшую возможность эксплоатации рабочего класса;

потому что правительства тех стран, которые **выиграли войну,** сделали все для того, чтобы **потерять мир;** они обманули надежды народов, которые хотели разоружения, коллективной безопасности и **господства права в международных отношениях.** Презрев в свое время требования справедливости, они **сами** способствовали созданию того фашизма, который им сейчас угрожает;

потому что даже в тех странах, в которых демократия сохранилась, интересы господствующих классов слишком часто берут верх над интересами нации. И слишком часто в этих странах проявляется недостаток международной солидарности: вместо того, чтобы об'единиться одна с другой для защиты угрожаемой демократии, они следуют **близорукому эгоизму,** который приносит пользу общему врагу и наносит вред общему делу.

Но этой, поистине мрачной, картине противостоят другие, более утешительные явления.

Это, прежде всего, героическое сопротивление **республиканской Испании** натиску международного фашизма. Какой бы ни был непосредственный исход этой борьбы, в которую Италия и Германия вложились всем гигантским весом своей чудовищной военной машины, — героизм испанских борцов за свободу навсегда останется одной из **самых славных страниц** в истории человечества и одной из вернейших гарантий восстановления свободы и права во всем мире.

Это — затем — та неустрашимая борьба против

японских завоевателей, которая ведется **китайским народом**, мужество и силу сопротивления которого мы приветствуем от всего сердца.

Это — наконец — победоносное **сохранение демократии** в целом ряде стран, несмотря на натиск фашизма извне и изнутри. Там, где эта борьба ведется под энергичным руководством социалистического пролетариата, как в скандинавских странах, — там демократия испытывает мощный под'ем и полностью обнаруживает свою жизненную силу.

Перед лицом этих противоречий, которые в настоящий момент определяют судьбу мира, наши задачи ясны:

Необходимо всеми силами поддерживать **борьбу наших испанских братьев.** Необходимо неустанно бороться против так наз. **политики невмешательства,** над которой фашисты издеваются и которая, поэтому, привела к тому, что испанская республика оказалась поставленной вне закона, что у нее отнимается возможность доставать необходимое ей для своей защиты оружие, между тем как преступное нападение фашизма на свободу великого народа фактически поощряется.

Рабочий Соц. Интернационал с самого начала настоятельно призывал свои партии делать все возможное для того, чтобы Испания, наконец, могла получить те аэропланы и пушки, которые необходимы для защиты жизни женщин и детей против беспримерной по своей жестокости бомбардировки открытых городов, и для спасения мировой демократии от тирании Муссолини и Гитлера.

Помощь борцам за свободу в Испании является нашим верховным долгом. Но помимо этого, у мирового рабочего класса имеется и ряд других очередных задач:

необходимо по мере сил поддержать борьбу **китайского народа;**

необходимо нерешительности и измене правительств противопоставить **ясное сознание тех обязанностей,** которые на нас возлагает обязанность спасти свободу и мир во всем мире. **защита демократии,** которую необходимо организовать в каждой стране и в международном масштабе; **коллективная безопасность;** отказ от дальнейших **уступок** диктаторам.

Необходимо помочь, в странах фашизма, **угнетаемым там рабочим,** которые ясно сознают, что их освобождение может быть достигнуто лишь путем **революционного свержения** существующей системы господства.

Пусть рабочий класс, в сознании своей исторической миссии, подхватит знамя свободы, выпадающее из рук обесчещенной прислужничеством диктатуре буржуазии! Пусть он развернет знамя борьбы **против капиталистического мира,** раз'еденного внутренними противоречиями и обреченного на гибель! Пусть он станет во главе всех сил, борющихся против фашизма **за истинную демократию,** — за господство полной индивидуальной свободы, за право народов управлять симим собою, за справедливость в международных отношениях!

Да здравствует свобода!

Да здравствует социализм!

Бюро Раб. Соц. Интернационала.

Брюссель, апрель 1938 г.

А. ЮГОВ.

ЗА СВОБОДНЫЕ КОЛХОЗЫ!

Наше резко отрицательное отношение к советской политике в деревне — общеизвестно. Однако, мы никогда не принадлежали к числу тех, кто отрицал всякое наличие п о л о ж и т е л ь н ы х процессов в сельском хозяйстве СССР. Успехи и прогрессивные явления несомненно имеются и притом весьма большие. Но они совершенно н е э к в и в а л е н т н ы, не только жертвам, принесенным за это время крестьянством, но и тем к а п и т а л а м, которые вложены в сельское хозяйство за эти годы и тем п р о и з в о д с т в е н н о-т е х н и ч е с к и м возможностям, которыми потенциально уже обладает современная советская деревня.

Почему же так относительно медленно растет продукция сельского хозяйства? Почему же так еще невысок уровень благосостояния, достигнутый в среднем современным крестьянством? Не отдельными стахановцами или знатными людьми, а основной массой крестьянства.

Об'яснять все лишь организационными неполадками, бюрократизмом или вредительством нельзя. Они могут ухудшить, замедлить. Но эти «недостатки механизма» не могут парализовать на долгие годы те исключительно благоприятные предпосылки, которые создались в сельском хозяйстве в области хозяйственно-технической.

В современной России устранены все те об'ективные условия, которые некогда определяли низкий уровень развития и убыточность русского крестьянского хозяйства. И одновременно основные предпосылки, которые наука и экономика считают необходимыми для успешного развития сельского хозяйства имеются в наличности в Советском Союзе.

Ликвидировано мельчайшее хозяйство. Созданы крупные производственные единицы. Устранены черезполосица и многополосица. Пережившее себя экстенсивное хозяйство быстро сменяется на интенсивное. Трехпольная система вытесняется многопольной. Безлошадность перестала быть бичем русского крестьянина. Широко применяется механизация и машинизация сельско-хозяйственной работы. Тракторный плуг и комбайн сменили соху, косу и цеп. Возросло навозное и химическое удобрение полей. Растет процент полей, засеваемых сортовыми семянами. По всем колхозам созданы животноводческие фермы. Быстро возрастает поголовье скота в деревне, постепенно восполняя гибель скота во время раскулачивания. Даже если отбросить похвальбу советской печати, все же несомненно поднялась и продолжает прогрессировать общая культура села. Агрономическая наука от академиков до рядовых агрономов и животноводов поставлена на служение сельскому хозяйству.

Исключительно велики, прямо гигантски, денежные вложения на капитальное строительство и реконструкцию сельского хозяйства. Они за годы обоих пятилеток исчисляются во много миллиардов рублей. Деревня получила в обильном количестве новые орудия производства, инвентарь, автомобили, возвела новые хозяйственные постройки, построила мельницы и крупорушки и предприятия по переработке с.-х. продукции.

Нет в современной России ни помещиков, которым некогда крестьянство выплачивало миллионы рублей арендной платы, ни кулаков-мироедов, которые держали в кабале деревенскую бедноту.

Все это — обстоятельства громадной важности. Это

условия, о которых мечтает трудовое крестьянство любой страны. Казалось бы, эти об'ективные условия должны обеспечить гигантский и непрерывный рост сельской продукции и под'ем благосостояния всего крестьянства.

Если в индустрии, где условия производства и структура капитала более сложны, СССР за последние годы значительно увеличил количество и улучшил качество своей продукции, то какие громадные успехи должен был бы зарегистрировать Сов. Союз в сельском хозяйстве, где исключительно благоприятные природные условия не достаточно использовались до сих пор лишь из-за технической и социальной отсталости?!

Действительность весьма далека от этих надежд и предположений! После периода разрухи из-за принудительной коллективизации, в последние годы, со времени уступок советской власти частно-хозяйственным интересам крестьянства, начался несомненный под'ем сельского хозяйства, сперва в области растениеводства, а затем и в животноводстве. Но этот рост медлен, он совершенно не соответствует ни темпам развития индустрии СССР, ни росту населения, ни уровню сельского хозяйства других стран!

Уровень довоенный и по посевным площадям и по сборам едва-едва превзойден. По производительности, по эффективности своего сельского хозяйства современная Россия не только не стоит в ряду передовых стран, но еще не догнала даже такие отсталые страны, как Болгария, Румыния, Польша, Венгрия, Турция.

Это особенно видно при сравнении урожайности, т. е. там, где наиболее ярко выявляется эффективность предприятия, ведущегося на интенсивных началах.

В 1913 году урожайность с га была в России по пшенице — 8,5 дв. ц., по льну — 2,7 ц., по свекле — 168,7 ц., по картофелю — 66,6 ц. по хлопку — 10, 5 ц.

В 1937 г. (год рекордный, цифры предварительные) урожайность с га по пшенице — 10,3 ц., по хлопку — 13,5 ц., по льну — 4,2 ц., по свекле — 205 ц., по картофелю — 125 ц.

Конечно, некоторый прогресс! Но эти успехи все же оставляют СССР позади не только стран передового сельского хозяйства, но часто в самом последнем ряду, за самыми отсталыми странами.

Так, напр., по урожайности пшеницы СССР ниже не только Дании (32 ц.), но позади Венгрии (13,7 цент.), Болгарии (11,8 ц.), Польши (11,5 ц.), на уровне Югославии, Манчжурии, Кореи. По льну — ниже не только Бельгии, Германии, Голландии, Франции и т. д., но ниже даже Чехословакии, Латвии, Литвы. По урожайности свеклы СССР даже в урожайный год стоит ниже Италии, Испании, Польши. По картофелю СССР занимает 22 место, ниже Испании ,Румынии, Эстонии.

Над этим нельзя не задуматься! Почему, после стольких лет преобразований, после устранения основных преград, после громадных вложений капитала, после под'ема общей культуры, после коллективизации, успехи еще так невелики и, уж во всяком случае, не соответствуют ни перенесенным лишениям, ни обоснованным надеждам?

Некоторые полагают, что причина именно в коллективизации, что именно она — начало всего зла, что необходимо возвращение к единоличному хозяйству, что это — основное условие под'ема и производства и благосостояния русской деревни.

Такое предположение глубоко ошибочно. Рассуждая этим методом, весьма легко отказаться, напр., от техники и науки, потому что они служат целям войны, и от всякой коллективной организации, потому что организация создает бюрократию и даже тотальное государство.

Практика целого ряда стран, а в некоторых размерах и самой России, доказывает, что частно-хозяйственный интерес вовсе не исключает кооперирования не только переработки и сбыта, но даже и самих производственных процессов. Разве в интересах самого частного зем-

---

В. КРИВИЦКИЙ.

Из воспоминаний советского коммуниста (Продолжение).

5. ЗА КУЛИСАМИ МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССОВ.

В Европе имеется немало людей, которые относятся к московским процессам, как к «нормальным» судебным делам. Исходя из такой оценки процессов, эти люди применяют к ним обычные моральные и юридические мерки. Они бьются над вопросом о том, как может власть выступать с обвинениями в предательстве и шпионаже в пользу Гестапо по адресу испытанных революционеров и вождей Октябрьской революции. С другой стороны, эти люди не скрывают и своего изумления по поводу «признаний» самих обвиняемых, признаний тем более потрясающих, что даже мало посвященным в технику процессов ясно, что прокуратура не обладает сколько-нибудь убедительными доказательствами, которые подтверждали бы эти чудовищные признания.

Чтобы действительно понять московские процессы, надо прежде всего отказаться видеть в них юридическое «дело» Процессы в СССР — орудие политики. К этому орудию правительство стало прибегать особенно часто с самого начала генеральной линии. Трудности индустриализации, сопротивление деревни насильственной коллективизации породили в стране огромное недовольство. Недовольство существовало во всех слоях населения вплоть до самых ответственных партийцев и хозяйственников. Но при всех своих широких размерах недовольство это не представляло собой непосредственной опасности для власти, ибо оно носило распыленный характер. По разному недоволен был партиец и хозяйственник, рабочий и крестьянин, красноармеец и интеллигент. Вот почему на первых порах власть и справлялась с этим недовольством путем массовых «из'ятий», т. е. арестов и гласных и негласных расстрелов.

Но вскоре уже и на этом этапе власти понадобилась постановка нескольких показательных процессов, обвиняемые по которым должны были сыграть роль козлов отпущения за все трудности, вызванные форсированной индустриализацией и насильственной коллективизацией.

Прежде чем говорить о подготовке процессов, необходимо осветить роль в них ГПУ. В самом Союзе, не говоря уже о Европе, широко распространено мнение, что ГПУ является чуть-ли не отцом всех этих процессов. Между тем с самого начала эры судебных процессов, ГПУ боялось их устройства. Оно боялось их в первую очередь по соображениям «профессионального» характера: публичные процессы могли слишком очевидно выявить профессиональные слабости работы самого ГПУ. Ведь ответственные деятели ГПУ нисколько не заблуждались относительно культурного и политического уровня своих работников. Для политических процессов работникам ГПУ не хватало не только политического кругозора, но и знания европейской обстановки, роли и значения в Европе 2-го Интернационала и т. д. Вот почему ГПУ было против публичных процессов ,считая, что с «контрреволюцией» оно может управиться и без них. О дефектах работы ГПУ знал, конечно, и Сталин. Но внутри-политическое положение страны так нуждалось в громоотводе, что решено было не считаться ни с какими возражениями.

ЦК компартии был также информирован о настроениях ответственных работников ГПУ по отношению к процессам, и их считал «саботажниками». Мнение ЦК вскоре получило

ледельца возврат к пашне в 1½ га или к безлошадному хозяйству? И, наконец, как может увеличиться и общая продукция и урожайность, если произойдет возврат к сохе, к трехполью и черезполосице?

Никогда еще противники колхозов и печальники частного хозяйства не доказали, что именно механизация, машинизация, передовая агрономия и даже кооперация повинны в медленном темпе развития сельского хозяйства.

Современное положение явно неудовлетворительно, но примитивные решения не разрешают сложных проблем. Необходимо такое решение, которое, сохраняя все положительные стороны современного сельского хозяйства, одновременно устранит радикально и все то, что препятствует, задерживает прогрессивное развитие.

Мы думаем, что такое решение возможно, но оно требует радикального изменения всей политики советской власти.

Причина — не в колхозах, а *в общей политике власти*, которая особенно уродлива в отношении деревни. При всех своих вариациях, политика была плоха и до колхозов и при колхозах. Она сурово бьет и колхозное и единоличное крестьянство.

Крестьянство и сельское хозяйство раньше всего страдают от той *политики перераспределения и направления народного дохода*, которую упорно, часто прикрытыми методами, проводит советская власть. Эта финансовая политика делает современные колхозы *малорентабельными*, а иногда и совсем нерентабельными *для крестьян*, его участников.

В царское время крестьянство страдало от арендных платежей, податей, налогов и поборов. Теперь колхозное крестьянство под гнетом более хитрой механики: государство заставляет колхоз и колхозников уделять ему значительную долю валового дохода, применяя самые разнообразные методы. Колхоз платит за пользование орудиями производства, находящимися в машинно-тракторных станциях, за бензин, за администрацию МТС и колхозов, за пользование складами, за пахоту, за уборку, за молотьбу, за помол и пр. ,и пр.

Колхоз обязан создавать десятки *фондов*, делать десятки обязательных *отчислений*. В распределение самим колхозникам поступает, даже по официальным данным *не свыше 30% валового дохода* в натуральной и денежной форме*). Имеются все основания предполагать, что фактически поступает еще меньшая доля, особенно если считать действительных производителей.

Так крестьянство в скрытой форме принуждается к амортизации в спешном порядке и тех расходов, которые государство осуществило при механизации сельского хозяйства, и еще больших расходов по индустриализации города.

Но государство берет и другими методами. Оно очень *низко оплачивает* те сельско - хозяйственные продукты, которые колхозы должны сдавать ему в обязательном порядке. Государство устанавливает цены на хлеб, лен, шерсть, свеклу и т. п. столь низкие, что они скорее напоминают оплату реквизиции, чем покупку, они часто опускаются ниже цены воспроизводства. Они в 2-3 раза ниже тех цен, по которым покупает сельские продукты кооперация, так называемых «цен складывающихся на рынке», которые ниже нормальных рыночных. Если прибавить к этому *налог с оборота*, косвенный универсальный налог, ложащийся на деревню с непомерной тяжестью, то будет ясно, под каким страшным финансовым прессом находится сейчас колхозная деревня.

*) Только что опубликованное Постановление Совнаркома «О неправильном распределении доходов в колхозах» устанавливает, что в тысячах колхозов распределено на трудодни только 28-33% доходов. Новое постановление предписывает «соблюдать устав» и «распределят между колхозниками на трудодни не менее 60-70 % всех **денежных** доходов колхоза» (курсив наш). Доля **общего** дохода (натурального и денежного) колхоза, подлежащая распределению остается нерегламентированной.

По существу, следовательно, все останется по старому.

и организационное выражение в виде назначения в 1930 году старого большевика Акулова на работу в ГПУ.

В постановке серии «вредительских» процессов, в которой такое крупное место занял «меньшевистский» процесс, особую роль сыграл **Л. Каганович.** Советское хозяйство хромало в то время на обе ноги, и с особыми перебоями работали московские промышленные предприятия. В партийных массах, и опять-таки особенно в Москве, наблюдалось по этому поводу большое брожение и волнение, назревало критическое отношение к «вождям» и раздавались упреки по их адресу. Надо было отвести это недовольство в другое русло. Выход был найден в лице бывших меньшевиков, весьма многие из которых занимали видные посты в аппарате высших экономических органов — в Госплане, в СТО, в ВСНХ. Хозяйство разваливается, потому что... меньшевики саботируют и вредительствуют. За разработку этой темы и ухватился особенно Каганович, как секретарь той организации, в которой партийные массы были больше всех взбудоражены. Он потребовал от ГПУ решительных действий и недвусмысленно намекнул, что, если ГПУ не справится с возлагаемой на него задачей, то Политбюро придется заняться самим ГПУ.

На средние партийные круги меньшевистский процесс произвел потрясающее впечатление. Сейчас, после всего, к чему мы привыкли за последние годы, это может показаться мало вероятным, но тогда подлинное чувство отвращения овладело громадной частью партийцев, сохранивших способность хоть сколько-нибудь самостоятельно мыслить. Многие к тому же отдавали себе отчет в том, что это только начало, и что меч неправосудия занесен уже и над кое-какими коммунистическими головами. Уже тогда называли имена Енукидзе и Рязанова, у которых семьи арестованных меньшевиков всегда находили защиту. И уже тогда начали время от времени называться имена Рыкова и Бухарина, как проводников внутри партии тех непартийных «правых» течений, которые были-де «разоблачены» на меньшевистском процессе.

Итак, уже в 1929-30 гг. аресты и преследования не могли ограничиться только массами беспартийных. «Из'ятия» производились и в рядах коммунистической партии. Но в те времена, однако, власть тщательно скрывала аресты коммунистов от населения и от самой партийной массы. Она делала это не только во имя спасения репутации партии-монолита, но и потому, что боялась, как бы разрозненное в стране недовольство не сплотилось вокруг оппозиционных коммунистов, боялась дать этому недовольству **политический выход.** Вот почему о деле Рютина, Сырцова, Ломинадзе, Толмачева-Эйсмонта знали только самые проверенные и ответственные коммунисты, а партийная масса в лучшем случае питалась, одними слухами. Помню, как именно в это время ко мне однажды подошел секретарь ячейки и сообщил, что сегодня будет экстренное заседание партийцев, и чтобы я непременно явился. Он тут же добавил, что собрание будет информационное, касающееся дела Рютина, и что на нем будут присутствовать по специальным приглашениям только самые ответственные, пользующиеся личным доверием партийны.

Как я уже пытался указать, процессы начала генеральной линии носили скорее всего **застрашивающий, превентивный характер.** Наоборот, в московских процессах 1936 и позднейших годов превентивные цели отступают на второй план. Основная задача их, наряду с уничтожением вождей Октябрьской революии, — **создать и узаконить ряд невых фактов.** В экономике, в политике и в социальных отношениях внутри страны за последние годы произошли большие сдвиги, которые ищут своего политического выражения. Процессы новейшего времени и призваны оформить эти социально-психологические факты, **содействовать консолидации режима в рамках своеобразного национал-фашизма.**

6. МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ.

Эра московских гласных и негласных процессов против коммунистов началась с убийства Кирова. В связи с делом Кирова в ГПУ с самого начала царила какая-то особенная

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Следует понять, что речь идет не об отдельных ошибках политики цен или дефектах налоговой системы, а об основном факторе современной хозяйственной политики, о том базисе, на котором строится вся политика сверх-индустриализации и реконструкции сельского хозяйства.

Крестьянин-колхозник на опыте оценил преимущества крупного хозяйства, машины, удобрения, агрономии. Он захочет сохранить кооперирование производства и совладение в машинах и постройках, но лишь постольку это необходимо в интересах большей производительности, большей доходности. Ибо никакие хозяйственные факторы не требуют от него отказа от права распоряжения своим доходом. Колхозник остался в подавляющей массе частным собственником — на словах это понимают и большевики — и, как частный собственник, он хочет распоряжаться своим доходом самостоятельно, сам определять, кому и по какой цене сбывать свою продукцию, куда и как направлять свое накопление.

Крестьянин хочет сохранить колхоз, но только, как колхоз свободный, как колхоз, который представляет свободное об'единение свободных производителей, колхоз, в котором распоряжаются его члены, как коллективные хозяева.

Современный колхоз — организация с очень слабо выявленными кооперативными началами, в которой повелительно распоряжается государство. Это отталкивает рядового колхозника, это снижает его интерес к производительности колхоза. Конечно, Паша Ковардак и другие стахановцы имеют иные стимулы и ради них они готовы удесятерить свой труд, лишь бы достигнуть рекордных успехов. Но таких лишь тысячи. Подавляющая-же масса крестьянства в основном руководствуется своими частно-хозяйственными интересами.

Современный колхоз заставляет основную массу крестьян не считать колхоз своим хозяйством. Колхоз для него мало рентабелен, он едва обеспечивает его участникам средства к существованию. Весь интерес колхозник переносит на свое усадебное хозяйство. Именно здесь всего более быстрым темпом восстановилось животноводство, именно здесь быстро развиваются наиболее рентабельные отрасли — огородничество, птицеводство и пчеловодство.

Для того, чтобы ускорить прогресс сельского хозяйства и поднять благосостояние всей деревни, надо не ликвидировать колхозы, а надо современные колхозы преобразовать в свободные колхозы.

Но это требует, как мы показали выше, радикального изменения самих основ политики.

Рано или поздно крестьянство этого изменения добьется. Но пути истории определятся на многие годы в зависимости от того — получит ли крестьянство удовлетворение своих требований в совместной борьбе с пролетариатом против диктатуры Сталина или из рук контр-революции, которая сменит сталинскую диктатуру на фашистскую.

угнетенность. Самые близкие между собой работники ГПУ явно избегали говорить на эту тему.

Вскоре после убийства Кирова на верхах ГПУ стало известно, что Сталин сам хочет вести следствие, не доверяя в этом деле ни ленинградскому ГПУ, ни Ягоде. С этой целью Сталин сам выехал в Ленинград и сам допрашивал Николаева и Котолынова. В первый период следствия Сталин явно стремился изолировать ленинградского начальника ГПУ Медведя от Ягоды. Больше того: в ту ночь, когда Ягода тоже приехал в Ленинград и по делам следствия выехал куда-то за город, произошло столкновение его машины с каким-то грузовиком. Во время этого столкновения сам Ягода едва не погиб. Лицо, передававшее мне это, считало весьма вероятным, что столкновение это отнюдь не было случайностью. На мой прямой вопрос: считает ли он Медведя ответственным за убийство Кирова, он мне ответил: «Дело это темное, в общем, понимаешь, такое это дело, что лучше от него быть подальше».

После Кировского дела начались времена, когда оффициально советское правительство повело политику «либерализма», а неоффициально началась самая жестокая расправа со всеми подозрительными по оппозиции элементами внутри партии. В то время, как власть и пресса писала о торжестве у нас «пролетарского гуманизма», под непосредственным ударом стояло не менее 1/2 миллиона членов партии.

Массовые аресты в 1935 году были вызваны раскрытием заговора на жизнь самого Сталина. И будто бы раскрыть этот заговор удалось самому Сталину, помимо ГПУ. ГПУ в этом деле оказалось явно не на высоте, — смиренно признавался мне один из ответственных работников ГПУ.

История этого заговора, вернее, его раскрытия — приблизительно такова: не полагаясь на ГПУ, Сталин решил сам организовать свою охрану. Он-то и выследил, что один из его сотрудников делал какие-то подозрительные приготовления в стенах сталинской библиотеки. Никому не сказав о своих наблюдениях, Сталин сам повел слежку. И что-же оказалось? Оказалось, что этот сотрудник был связан с рядом командиров кремлевской охраны, со старыми большевиками, которые, оказывается, готовили покушение не только на Сталина, но рассчитывали убить и все Политбюро. Оказалось, — передавал мне все тот-же ответственный работник, — что такие близкие люди, каким был Енукидзе, совершенно потеряли «бдительнсcть», слепо доверяли врагам и даже их поддерживали. «Польза» от всей этой истории была в том, что отныне всякий партиец должен был знать одно — **лучший чекист — сам Сталин!**

Московским процессам против коммунистов предшествовала большая подготовительная работа, частично осуществлявшаяся путем чистки. Со времени Кировского дела чистка превратилась в меру **полицейского** характера. Эти чистки проходили под двумя бюрократически-законспирированными вывесками: а) проверка партийных документов и б) обмен партийных документов.

Обе операции возложены были на ГПУ. Роль партийного секретаря в этих чистках была совершенно ничтожна. Сугубое внимание во время этих чисток было обращено на старых партийцев, таких, которые либо принадлежали еще к дореволюционному поколению борцов, либо выдвинулись в гражданскую войну и в первую пятилетку. Все они и были взяты на учет. Ихъ прошлое подверглось особенно тщательному изучению.

Уже весной 1936 года ближайшие сотрудники Сталина знали о предстоящем жесточайшем истреблении всех оппозиционных кадров. Сталину известно было о том, что недовольство режимом захватило не только кадры бывших оппозиционеров, но и широкую массу партийцев, ГПУ и армию. Тогда-то он и задумал серию своих расправ.

Подготовка к Зиновьевскому процессу началась весной 1936 года. Для посвященных в технику процессов с самого начала было ясно, что это не будут обыкновенные судебные процессы, что **гласная часть** этих процессов будет результат длительных переговоров и торгов между властью и ее жерт-

С. ШВАРЦ.

Через год после VI-го пленума ВЦСПС

Сколько было сказано суровых «самокритических» слов о бюрократическом вырождении советского профдвижения, когда год назад после перерыва почти в 2½ года вновь собрался пленум ВЦСПС. Сколько было дано торжественных клятв начать отныне новую жизнь, «последовательно проводить начала подлинного демократизма» во всех звеньях профсоюзной «системы», широко развернуть работу по охране труда, «восстановить практику заключения коллективных договоров», поднять культурно-просветительную работу профсоюзов, упорядочить профсоюзные финансы и т. д., и т. д. Коренная перестройка всей работы профсоюзов должна была быть произведена в течение немногих месяцев С тех пор прошел год. Но до осуществления намеченной 6-ым пленумом программы еще очень далеко.

Коренной поворот в развитии советского профдвижения должен был найти свое внешнее выражение в выработке нового типового устава профсоюза. Стороннему наблюдателю может показаться даже непонятным, почему выработке нового устава приписывается такое решающее значение: вопрос об осуществлении в профессиональном движении «начал подлинного демократизма» разрешается не столько текстом устава, сколько пробуждением и развитием общественной активности членов профсоюзов, и хороший устав может в лучшем случае явиться лишь одним из факторов, облегчающих развитие этой общественной активности. Но в условиях многолетнего существования бюрократического режима все общественные представления уродуются, создается какая-то «мистика» устава и реформа устава приобретает совершенно неожиданный ореол.

Тем интереснее судьба этого нового типового устава. Вопрос о новом уставе имеет уже свою историю. Первый проект его был выработан президиумом ВЦСПС еще перед последним с'ездом профсоюзов, состоявшимся — кто еще это помнит? — в 1932 году. С'езд в основном одобрил проект и передал его для окончательной редакции в ВЦСПС. На этом дело и замерло. Прошло три года, и вопрос встал в новой форме: в мае 1935 г. ЦК ВКП (!) образовал комиссию под председательством Кагановича для выработки новой программы профсоюзной работы; программа эта, очевидно, и явилась бы основой нового устава. В конце 1935 г. в прессе не раз сообщалось, что комиссия Кагановича заканчивает свою работу. Но потом все опять затихло, и комиссия Кагановича тихо отошла в небытие. К 6-му пленуму ВЦСПС мертвецы из президиума ВЦСПС вновь зашевелились и представили пленуму новый проект типового устава. Пленум обсудил его и, «придавая большое значение типовому уставу, который должен сыграть громадную роль в дальнейшем развитии советских профсоюзов», постановил образовать уставную комиссию из 53 лиц и поручить ей «переработать представленный президиумом ВЦСПС проект типового устава с учетом состоявшегося на пленуме обмена мнений», «поручить президиуму ВЦСПС созвать не позднее 1-го июля пленум ВЦСПС для рассмотрения проекта типового устава» и после этого «опубликовать проект для широкого обсуждения членами профсоюзов» с тем, чтобы устав был внесен на утверждение 10-го с'езда профсоюзов, который должен был быть созван к 20-му октября.

Затем повторилась уже знакомая история. О созыве 7-го пленума ВЦСПС сначала вообще ничего не было

вами. Со стороны может показаться странным: какие могут быть переговоры между оффициальным судебным аппаратом, облеченным всей полнотой власти, и его жертвами — беззащитными подсудимыми? А между тем это так, и это одно уже проливает свет на характер этих процессов.

Основная работа по непосредственной подготовке московских процессов состоит в надлежащей «обработке» арестованных. В этой обработке самое видное место занимают **конвейерные допросы** заключенных. Сначала допросы ведутся молодыми, невежественными и некультурными людьми. Так, Радека сначала допрашивал следователь лет 27-ми. Хотя и сын старого большевика Кедрова, он в некотором смысле типичный представитель новой «смены» и типичный представитель этой подготовительной работы следствия. Весь его допрос свелся к оскорблениям и угрозам. «Контр-революционер», «гадюка» перемежались с угрозами расстрела. На второй стадии работа ведется уже более тонко: еще не «расколотого», т. е. несломленного обвиняемого знакомят с показаниями его товарищей, уже во всем «сознавшихся». Так поступили с Сокольниковым. Обвиняемый начинает колебаться и в конце концов тоже «сознается». Но и этого недостаточно: а вдруг он завтра, придя в себя, откажется от своих собственных показаний? Эти показания надо закрепить, сделать невозможным взятие их обратно. Вот что стало мне известно о технике такого «закрепления».

Подготовка процессов по иностранной линии была поручена Берману, ныне назначенному Наркомвнуделом Белоруссии. Зная о том, что Сокольников в бытность свою полпредом в Лондоне, поддерживал связи с одним англичанином (к тому времени уже состоявшим на службе ГПУ!), Берман решил использовать заграничного агента, как свидетеля преступной деятельности Сокольникова. С этой целью Берман и обратился к заведующему иностранным отделом ГПУ, чтобы тот добился от своего заграничного агента соответствующих показаний. На эту тему между ним и Берманом произошел следующий характерный диалог:

Зав. иностранным отделом ГПУ: «Сокольников-то тебе хоть два километра показаний напишет и сознается во всем, что ты хочешь, но как могу я заставить иностранца, даже получающего жалованье у нас, чтобы он написал то же самое, что Сокольников? И выходит ведь, что подведешь ты только меня: твой Сокольников во всем сознается, а мой иностранный агент таких показаний не даст!»

Берман: «Да в чем-же дело? Плати своему агенту больше денег!»

Под влиянием мучительных допросов, продолжающихся месяцы, а то и годы, угроз, голода арестованные в конце концов «сознавались» во всем, чего от них требовало ГПУ. Но оставались такие, которых сломить не удавалось. Таких несломленных по первому московскому процессу было двое: Мрачковский и Смирнов. Между тем в ГПУ было известно, что без Мрачковского и Смирнова Сталин не хочет ставить процесса. Тогда ГПУ решилось на последнее средство: оно передало обоих строптивцев в руки самых опытных следователей, какими располагало в то время.

Передаю допрос Мрачковского со слов одного из этих следователей, Слуцкого:

«Я начал допрос бритым, когда его кончил, у меня выросла борода. Допрос продолжался 90 часов. Каждые 2-3 часа раздавался неумолимый звонок из секретариата Сталина: «Ну что, раскололи»?.

Я спросил рассказчика: «Неужели вы все время безвыходно сидели в кабинете?» — «Нет, после первых десяти часов я вышел на два часа, но вместо меня в кабинет вошел мой секретарь. Мрачковский-же за эти 90 часов ни минуты не оставался один. Даже в уборную он ходил с провожатым».

Для характеристики самого следователя надо сказать, что, хотя он работал в ГПУ в течение многих лет, все же в известной мере остался своеобразно откровенным, душевным человеком, типом старого чекиста, для которого такой человек, как Мрачковский, — живое напоминание о революцион-

слышно; потом он был намечен на конец июля; затем перенесен на вторую половину сентября, и, наконец, о нем просто перестали говорить. То же со с'ездом профсоюзов: когда в середине августа начали собираться с'езды отдельных профсоюзов, с'езды эти заканчивались избранием делегатов на всесоюзный с'езд. Но вскоре о всесоюзном с'езде профсоюзов «забыли», и большинство из состоявшихся в последние месяцы прошлого года с'ездов союзов так и не избрали делегатов на всесоюзный с'езд. — Выработка типового устава, созыв пленума ВЦСПС, созыв всесоюзного с'езда — все тонет в бюрократической трясине сталинизированного «профсоюзного руководства».

Сейчас сказка начинается с начала. В середине апреля, как раз к годовщине 6-го пленума, президиум ВЦСПС вспомнил о типовом уставе, обсудил представленный Шверником новый проект и «поручил секретариату ВЦСПС учесть замечания и поправки, внесенные во время обсуждения проекта, отредактировать проект и созвать выделенную 6-ым пленумом уставную комиссию» («Труд» от 16-го апреля). Уставная комиссия таким образом будет обсуждать — когда еще? — не проект, переданный в комиссию избравшим ее пленумом, а новый проект, отвечающий каким-то новым настроениям президиума ВЦСПС. Одним грубым нарушением постановлений пленума больше, — какое уж это может иметь значение?

История с типовым уставом, может быть, лишь наиболее наглядный пример царящей на профсоюзных верхах бюрократической косности. Та же тенденция по возможности оставить все по старому, лишь прикрываясь новыми словами, безраздельно господствует во всех областях работы ВЦСПС.

Ведь вот как убедительно говорили на прошлогоднем пленуме о необходимости вернуться к коллективным договорам, похороненным было (секретно!) еще в 1933 году. А воз и ныне там, и не только ни одного коллективного договора еще не заключено, но даже не слышно, чтобы где-либо велись переговоры о заключении коллективного договора.

Или с каким подчеркнутым возмущением бичевали на пленуме финансовое хозяйство (хорошее «хозяйство»!) профсоюзов и громили «гипертрофию платного аппарата». Но вот только что ВЦСПС опубликовал «сводный бюджет профсоюзов на 1938 год» («Труд» от 9-го апреля). Из этого бюджета мы узнаем, что на содержание платного аппарата — на одну лишь зарплату (с начислениями), не считая командировочных и прочих организационных расходов — союзные органы (кроме ВЦСПС, бюджет которого в размере почти 25 миллионов рублей не публикуется) израсходуют в текущем году 312 миллионов рублей при общей сумме членских взносов в 805 миллионов рублей. И это еще не считая расходов на аппарат, проходящих по статье «культобслуживание членов профсоюзов». На это «культобслуживание» — не считая расходов на «капитальное строительство и ремонт» и на «приобретение инвентаря и оборудования» — в сводном бюджете ассигнована совершенно чудовищная сумма в один миллиард 389 миллионов рублей, из которой львиная доля, конечно, уйдет на оплату «культработников». Не приходится удивляться, что президиум ВЦСПС публикует этот поразительный бюджет в такой форме, что более пристальный анализ его наталкивается на громадные трудности, как невозможным оказывается и сравнение данных за текущий год с данными за предшествующие годы *).

Бюрократической косностью заражена не только верхушка профдвижения; эта болезнь глубоко раз'едает

*) Чего стоят в этом бюджете хотя бы следующие данные о доходной части бюджета:
Всего доходов 2.297 миллионов рублей; в том числе от членских взносов 805 миллионов, поступлений от культмероприятий 180 миллионов, поступлений от хозорганов на культработу 819 миллионов. — Но эти три статьи доходов составляют вместе лишь 1.804 миллиона рублей. А откуда поступят остальные почти полмиллиарда рублей, так и остается тайной.

ном прошлом, в котором личное уважение к такому человеку, как Мрачковский, остается непоколебленным. Но все это он должен в себе подавить. Он должен «расколоть» Мрачковского. Продолжаю его рассказ:

«Мрачковский вошел, тяжело припадая на одну ногу (следствие ранения в гражданской войне). Я предложил ему кресло: «Садитесь, тов. Мрачковский». Он сел. Я ему говорю: «Ну вот, тов. Мрачковский, я получил приказ вас допросить». Он отвечает: «Мне нечего вам рассказывать и вообще я не желаю с вами разговаривать, полицейские вы хуже царских... Ты мне лучше скажи: какое право ты имеешь меня допрашивать? Где ты был в революции? Я тебя что-то не знаю»... Увидав на моей груди 2 ордена Красного Знамени, он говорит: «Таких, как ты, я на фронте не видал, а ордена ты своровал». Я молчу, его не прерываю, даю ему выговориться. Онъ продолжает: «Вот ты мне говоришь «товарищ Мрачковский», а вчера меня допрашивал один из ваших, так он меня гадюкой и контр-революционером называл, а я в тюрьме родился, отец в Сибири погиб, да и мать — там же. А сам я с детских лет в большевистской партии». Он поднялся, рывком сорвал с себя рубаху, показывая рубцы от ран, добытых на фронтах гражданской войны, — «вот мои ордена!» Я попрежнему молчу. Заказываю чай, предлагаю ему стакан чаю и папирос. А он как схватит стакан, пепельницу, да все это об пол: «Купить меня хотите? Передай Сталину, что я его презираю. Предатель он. Вот к Молотову меня водили. Тот тоже купить меня хотел, а я ему в рожу плюнул».

«Я дал ему выговориться, потом встал и начал свою отповедь: «Нет, тов. Мрачковский, орденов Красного Знамени я не воровал, а получил их в Красной Армии под Ташкентом, где воевал под твоим командованием. Гадюкой себя не считаю, и тебя не считаю гадюкой. Но ты боролся против партии? — Боролся. Ну, а меня вот партия теперь и заставляет допросить тебя. А что до ран — так вот гляди», — я обнажил свой живот, — «это тоже в гражданской войне я получил». Мрачковский молчит, слушает, потом говорит: «Не верю тебе, докажи». Достаю ему свою биографию и продолжаю: «А после гражданской войны работал я в Ревтрибунале. А потом партия перебросила меня в ГПУ. Вот сижу тут, выполняю ее приказы. Партия прикажет умереть, и помру». Мрачковский порывисто: «Нет, ты полицейским стал, охранником... Да... Но все-таки, душа у тебя, кажется, еще есть...»

Тут я понял, что между мною и Мрачковским возникает контакт. Тогда я развернул перед ним все положение, в котором находится наш Союз: фашизм, война... Сказал, что лично я убежден, что он, Мрачковский, не контр-революционер, но вот, — и я вынул из стола показания его друзей, — до чего, мол, они докатились.

Так прошло трое суток. Мрачковский за все это время не спал ни одной минуты. Три дня и три ночи боролся я с ним. За все это время сам я в общей сложности спал всего 3 или 4 часа. Довел его до того, что он плакал... Плакал вместе со мной о том, что все потеряно, что надеяться не на что.

К концу третьего дня он попросил, чтобы к нему привели Смирнова. Я распорядился вызвать Смирнова ко мне в кабинет. Свидание и произошло в моем кабинете. Потрясающая встреча. Они бросились друг другу на шею. Плакали. Мрачковский первый сказал Смирнову: «Иван Никитич, давай напишем, чего они хотят от нас. Нужно». Смирнов не соглашался: «Не в чем мне им признаваться, против советской власти никогда не боролся, и против партии не боролся, и террористом не был, и убивать никого не хотел». Мрачковский уговаривал Смирнова. Но Смирнов не уступал. Все время они обнимались и плакали. Наконец, Смирнова увезли. Мрачковский опять впал в раздраженное состояние, опять ругал Сталина предателем. На четвертые сутки подписал то, что потом подтвердил на суде. Я отправился домой, неделю был не только неработоспособен, но и нежизнеспособен. Вот, Кривицкий, история допроса Мрачковского»...

всю систему профсоюзных органов и нередко заражает и ее низовые звенья. Особенно болезненно это обнаруживается, когда низовые проворганы оказываются пред фактами грубого нарушения администрацией предприятий прав и интересов рабочих и служащих. В статье моей в предыдущем номере «С. В.» я уже приводил ряд примеров послушного штампования завкомами и представителями их в РКК беззаконных распоряжений хозяйственников. Таких примеров в советской печати можно найти сейчас множество. Вот, на конозаводе № 31 в Саратовской области рабочий С. уволен «за то, что не согласился перейти жить в худшую квартиру»; конечно, официальная мотивировка увольнения иная: «за нетактичное поведение и рвачевское отношение к администрации». Услужливая РКК не только не вступилась за С., но забежала даже вперед и постановила «уволить с производства всех членов семьи С.» («Труд» от 4-го апреля). На Московском заводе «Станколит» представитель рабочих в РКК «не расследует трудовых конфликтов и обычно безоговорочно соглашается с мнением представителя администрации» («Труд» от 5-го апреля). На Магнитогорском металлургическом заводе рабочего Г «уволили с завода за критику начальника цеха в заводской газете»; Г. обжаловал постановление об увольнении в ЦК союза (значит, РКК постановление об увольнении подтвердила) и уже год ждет ответа («Труд» от 12-го апреля). На Чермозском металлургическом заводе работника К. «уволили с завода за отказ освободить квартиру без предоставления другой жилплощади»; и К. должен был дойти до ЦК союза («Труд» от 12-го апреля). Каков на этих предприятиях авторитет завкомов в глазах рабочих, каков престиж их представителей в РКК, нетрудно себе представить.

Но как раз в низовых же звеньях профсоюзов наблюдается уже нередко и пробуждение рабочей активности. Официальный и лицемерный поворот к профсоюзной демократии, санкционированный на 6-ом пленуме ВЦСПС, нашел на многих предприятиях отголосок в рабочих низах. Пробуждающаяся рабочая активность делает пока, правда, лишь первые робкие шаги, пытаясь сосредоточиться на защите рабочих интересов в политически наименее уязвимой области: удовлетворение бытовых нужд рабочих, укрепление социального страхования, улучшение охраны труда. И тут профсоюзной активности грозит нередко опасность столкновения с администрацией предприятий. Но уже не так редки случаи, когда низовые профработники и особенно работники охраны труда находят в себе решимость противостоять давлению администрации. Я уже приводил в предыдущем номере «С. В.» примеры такой пробуждающейся самостоятельности. Случается, что низовые профработники вступают при этом в конфликт с собственным завкомом. «Труд» (от 4-го апреля) отметил, например, энергичное выступление рабочего Л. на собрании турбинного цеха завода им. Кирова в Ленинграде; Л. бросил завкому упрек в том, что тот «не поддерживает активистов, когда они резко ставят вопросы о нарушении советского трудового законодательства». Бывает, что активные настроения захватывают и завком. Так, на Ворошиловградском паровозостроительном заводе завком за последние месяцы в ряде случаев сумел отстоять рабочих от увольнения не только против администрации, но даже и против молчалинствующих пред начальством цеховых комитетов («Труд» от 6-го апреля). Случается даже, хотя пока и редко, что какие-то проблески подлинной жизни обнаруживаются и в высших звеньях профсоюзов. Совсем почти на днях «Труд» помести обширную статью об итогах соревнования союзов рабочих черной металлургии Центра и Юга; предметом соревнования было улучшение охраны труда и социального страхования. Судя по отчету «Труда», даже с поправкой на казенный оптимизм, в обоих союзах и особенно в союзе металлургов Центра удалось достичь значительных результатов и развернуть работу путем привлечения к ней широкого актива, проявившего много энергии («Труд» от 12-го апреля).

В этой робко пробуждающейся профсоюзной активности единственный положительный итог истекшего со времени 6-го пленума ВЦСПС года. Это пока только первые шаги. Но это и уже первые шаги. Борьба за превращение союзов в органы свободной классовой самодеятельности рабочих масс, может быть, уже не за горами.

П. ГАРВИ.

Сталинизация Красной Армии

Ровно год прошел со времени реформы управления Красной Армии. Эта реформа совпала по времени с обезглавлением Красной Армии и находилась в прямой причинной связи с этой хирургической операцией. Высшая мера наказания, примененная к восьми красным генералам с маршалом Тухачевским во главе, была продиктована высшей мерой недоверия Сталина к командному составу Красной Армии. Опубликованное 16 мая 1937 г. «Положение о Военном Совете округа (флота, армии) РККА» сделало «высшим представителем военной власти в округе» Военный Совет в составе командующего войсками округа и двух членов. Военные Советы несут по Положению «полную ответственность за политико-моральное состояние, постоянную боевую и мобилизационную готовность войсковых частей и военных учреждений, расположенных на территории округа».

Этот крутой разрыв со сталинской системой единоначалия и возврат к коллегиальному началу официально мотивировался необходимостью усилить боеподготовку Красной Армии. На самом же деле, реформа была вызвана потребностью в усилении политического контроля над армией. Политуправление РККА было целиком подчинено коллегиальным Военным Советам, последние-же — непосредственно Наркомоен СССР, Ворошилову, а через него — Политбюро, т. е. Сталину. К этому сводилась сущность реформы *).

Прошел год — воистину, страшный год! За это время тысячи красных командиров и политруков были, как «шпионы» и «диверсанты», извергнуты из Красной Армии, арестованы, расстреляны. Их места были заняты «выдвиженцами» не по признаку личной годности, а по признаку личной верности Сталину. Интересы обороны страны были принесены в жертву интересам самообороны диктатуры. А между тем, несмотря на реформу 16 мая 1937 г. и на ужасающий террор и чистку ко-

---

*) См. **П. Гарви:** «Красная Армия на новом этапе» в № 10 «С. В.» за 1937 г.

мандного состава, недоверие диктатора к Красной Армии не ослабело, а возросло.

В самом деле — через 20 лет после создания Красной Армии большевиками, «Красная Звезда», орган народного комиссариата обороны, выступает в передовой от 11 апр. с девственно-свежим лозунгом: «Большевизировать всю Красную Армию!» Да разве она все еще не большевизирована? В течение двух десятилетий в стране, на развалинах всех политических партий, неограниченно господствовала партия большевиков. В течение двух десятилетий она по своему хотенью монопольно лепила, как глину, Красную Армию, строила ее и перестраивала, покрывала ее все более густой сетью партийных и комсомольских организаций, дозировала ее социальный состав и систематически повышала процент партийцев во всех звеньях и на всех ступенях армейской иерархии. Как же она оказалась перед «новой» задачей — «большевизировать Красную Армию»?

Парадокс истории: в годы гражданской войны, когда красные командиры тонули в массе старорежимного офицерства, под контролем комиссаров поставленного на службу революции, Красная Армия в отношении своей внутренней сплоченности и по своему «политико-моральному состоянию» была куда более большевистской и куда более политически надежной, чем сейчас, когда число «старорежимных» военспецов дошло до минимума, а партийцы решительно преобладают в командном составе.

В чем же дело? Дело в том, что армия больна тем же, чем вся страна. Вся политика Сталина, взявшего страну в железо, основана на недоверии к народу, к рабочему классу, к собственной партии. Это недоверие естественно переносится и на армию. Миллионная армия всеобщей воинской повинности не может не отражать социальных сдвигов, политических тревог и психологических процессов, совершающихся в народной толще.

Сколько бы армия ни сторонилась оппозиции, она, как таковая, в силу своего положения в диктаторском государстве, становится точкой приложения оппозиционных сил и постольку сама является потенциальной оппозицией режиму, — оппозицией тем более страшной, что армия представляет собою единственную организованную силу в распыленном «бесклассовом» обществе, притом силу вооруженную. Как бы командный состав Красной Армии — страха ради — ни чурался политики, кроме как приказанной свыше, условия внутреннего развития страны на излете революции, как и внешне-политическая обстановка растущей опасности войны навязывают Красной Армии роль крупнейшего, быть может, решающего фактора. в момент близящейся развязки, — произойдет ли она в форме дворцового переворота или народного восстания.

Отсюда — истошные вопли о необходимости «большевизировать» всю Красную Армию, т. е. окончательно превратить ее в преторианскую армию диктатора. Тухачевский и Гамарник вычеркнуты из жизни. Но остались, оказывается, «тухачевско-гамарниковские последыши». Искоренить это бухаринско-троцкистское «охвостье», — такова, как вещает «Красная Звезда», «основная, самая важная задача, которая возложена на Военные Советы, на комиссаров, на политические органы и партийные организации РККА».

Но почему же до сих пор, несмотря на реформу управления Красной Армии и на беспощадную чистку кровью и грязью, задача эта плохо выполняется? Если послушать «Красную Звезду» и «Правду», причина — в идейно-политической неподготовленности, а главное, в «беззубости» комиссаров. Из номера в номер «Красная Звезда» гвоздит: «Нам нужен зубастый комиссар», «нам нужен коммисар — подлинный воинствующий большевик», нам нужен комиссар, «у которого рука не дрожит», который может «навести железную дисциплину» и т. п.

Зубастый комиссар — вот, в чем спасение! Советская печать, по кремлевской шпаргалке, вдруг вспомнила «четкое определение роли и задач комиссарского состава РККА», сделанное Сталиным... в ноябре 1919 года в инструкции комиссарам Южного Фронта: «Комиссар полка является политическим и нравственным руководителем своего полка», он должен быть «отцом и душой своего полка», он не может и не должен быть «только придатком полкового командира или пассивным зрителем работы военных специалистов».

Зачем понадобилось вытащить из пыли архивов эту сталинскую инструкцию? Разве Советская Россия вновь вступила в полосу гражданской войны? В прошлом, когда чисто военная работа на фронтах гражданской войны ложилась на военспецов из «чужаков», роль «зубастых» и «рукастых» комиссаров была по меньшей мере ясна. Троцкий был вдохновителем этой породы воинствующих большевиков, Гамарник и Якир — ее воплощением. Но теперь, о чем теперь говорит эта неожиданная апеляция к «рукастым» и «зубастым» комиссарам? Не возвращает ли она нас к настроениям и «климату» давно минувшей эпохи гражданской войны? Но двадцать лет назад гражданская война, породившая рукастых комиссаров, носила, по оффициальному толкованию, характер борьбы трудящихся классов против низвергнутых ими, но не желавших сдаваться эксплоататорских классов. В современном «бесклассовом обществе» гражданская война возможна теоретически только, как война среди трудящихся, практически — как война оторвавшейся от массы и опирающейся на новый правящий слой власти против трудящихся.

И в самом деле, «рукастые» и «зубастые» комиссары вновь понадобились Сталину, чтобы окончательно прибрать к рукам Красную Армию и иметь возможность не только предупредить зреющие в ней дворцовые заговоры, но и бросить ее на подавление всякого движения трудящихся масс против засидевшейся и выродившейся диктатуры.

Советская печать указывает, правда, на другой мотив обращения к зубастым комиссарам, как к якорю спасения, а именно на необходимость укрепить расшатанную дисциплину и тем усилить боеспособность Красной Армии в предвидении неминуемой войны. Но, снявши голову, по волосам не плачут! Изменнический навет на головку Красной Армии и кровавая расправа с военоначальниками, вчера еще воплощавшими честь и доблесть «армии революции», безнадежно подорвали доверие к командному составу и дисциплину, на этом доверии основанную.

Далее всякому, даже штатскому человеку, ясно, что раздвоение функций командования, как всякое двоевластие, способно только ослабить воинскую дисциплину. «Красная Звезда» от 4 апреля авторитетно заявляет, что комиссар отныне снова «обладает всеми правами командира, вместе с ним является полновластным руководителем части». Но та же «Красная Звезда» приводит яркие примеры того, как расшатывается воинская дисциплина из-за столкновения компетенций двух «полновластных и полноправных руководителей», командира и комиссара, нередко на глазах у воинской части. В результате у обоих естественное стремление «уйти от ответственности», «покрыться» ссылкой на распоряжения другого и т. п.

Странное дело! Все страны мира готовятся сейчас к войне: увеличивают состав и оснащенность сво-

их армий, но ни одна не создает в армии политуправлений и не ставит командиров под контроль рукастых комиссаров, хотя в этих странах капиталистического окружения в армию входят люди разных классов, партий, мировоззрений, религий. И только в стране «социализма» и «бесклассового общества», в стране партийной монополии для укрепления «политико-морального состояния» Красной Армии ощущается острая потребность в рукастых и зубастых комиссарах!..

Но диктатура сама выдает секрет своей апелляции к этому институту гражданской войны: «Комиссар — глаза и уши партии и правительства*). В этом суть дела. «Красная Звезда» прямо ставит в вину «шпионской банде Гамарников и Булиных» то, что она будто бы пыталась «низвести роль военного комиссара до уровня политработника». Но и сейчас, после ликвидации изменнических гнезд, «иные командиры, сокрушается «Красная Звезда», считают более удобным для себя, чтобы рядом с ними сидели безгласные канцеляристы, а не зубастые и самостоятельные комиссары».

Подменяя политические функции управления Красной Армии полицейскими, диктатор ставит своей целью не большевизировать, а сталинизировать Красную Армию, притом «всю» — до последнего взвода. От Военных Советов до полка и его подразделений, — всюду он хочет иметь свои «глаза и уши», чтобы выслеживать крамольников и передавать их в руки «зубастых» комиссаров. Но откуда взять это множество «ушей и глаз» для низовых подразделений миллионной Красной Армии, численный состав которой, по заграничным сведениям, предполагается удвоить?

На этот вопрос-запрос отвечает «Положение о комсомольских организациях в Красной Армии», утвержденное 13 марта ЦК ВКП и ЦК ВЛКСМ. Комментируя это Положение, «Комсом. Правда» от 16 марта сообщает, что в рядах Красной Армии насчитывается около полуммилиона комсомольцев. По образному выражению Ворошилова, они составляют «золотой фонд обороны государства трудящихся». Так вот лучшие из этого «золотого фонда», наиболее активные «молодые патриоты» отбираются, но не для нужд обороны страны, а для нужд самообороны диктатуры от страны. Новое «Положение» подчеркивает, что «комсомольцы обязаны быть первыми помощниками политорганов, военных комиссаров, являющихся глазами и ушами партии и правительства», причем «наиболее проверенные и политически грамотные комсомольцы привлекаются политорганами РККА в качестве заместителей или помощников политруков».

Политически это расширение базы военно-полицейской агентуры за счет комсомольского «золотого фонда обороны» означает дальнейшее раз'едание Красной Армии ржавчиной сыска и доносительства, дальнейший рост взаимного недоверия красноармейцев друг к другу и недоверия их к командному составу, которое подрывает боеспособность армии. Сталинизация Красной Армии при помощи зубастых комиссаров и их комсомольских ищеек завершает дело морально-политического разложения Красной Армии и подрыва ее престижа внутри страны и во-вне.

В добавление к комиссарскому «кнуту» одновременно дается армии «пряник» в виде приказа Ворошилова о воссоздании в войсковых частях «комиссий хозяйственного содействия» для улучшения резко ухудшившихся в последнее время бытовых условий *). Материальная забота о человеке с ружьем должна скрасить его духовное оскопление и политическое порабощение.

«Боевой наказ» ЦК и «лично Сталина» гласит: «большевизировать всю Красную Армию», чтобы «превратить каждый полк, каждый батальон, каждый авиоотряд, каждую баттарею и эскадрон в неприступную крепость социализма». Плохое средство для этого — превращать каждый полк, каждый авиоотряд, каждую баттарею и эскадрон в полицейский участок, возглавляемый рукастым комиссаром...

*) В «Кр. Звезде» от 5 апреля напечатана «Песня о военном комиссаре» в обработке профессора музыкального подхалимажа Александрова с припевом:

«Посланец партии и Сталина родного —
«Вперед, воинствующий большевик!»

*) «Красная Звезда» от 14 апреля рисует неприглядную картину красноармейского быта: столовая — заброшенный холодный сарай с дырявой крышей; непромытые стекла еле пропускают свет; не хватает посуды и ложек; питание ухудшилось и т. д. В ответе — «безрукость» комиссаров; выход — в «рукастых» комиссарах, которые должны быть везде: «в казармах, на учении, в столовой, на кухне» («К. З.» от 11 апреля).

Ф. ДАН.

БОРЬБА ЗА ЛЕГАЛЬНОСТЬ

Борьба за легальность, или, иначе, борьба за **полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы,** экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, как одна из основных революционных задач рабочего класса в современной России.

Ф. Дан. «Борьба за легальность» («Голос Социалдемократа», № 19-20, январь-февраль 1910 г.).

Я позволяю себе вытащить из забвения статью, написанную мною 28 лет тому назад в выходившем в Париже «Голосе Социалдемократа» и вызвавшую в то время особо сильное негодование в большевистских кругах. Я позволяю себе это потому, что, по моему глубокому убеждению, формулированный в ней лозунг «борьба за легальность» теперь, свыше четверти века спустя, снова «выдвигается всей исторической обстановкой», как — даже не одна изъ основныхъ, а самая основная революционная задача рабочего класса в современной России.

Я, разумеется, ни на минуту не забываю о колоссальном различии эпох, разделенных этою четвертью века. Не забываю о том, что находившиеся в распоряжении рабочего класса «легальные возможности» думско-царского времени представляются несметным богатством по сравнению с тою абсолютною нищетою, на которую обрекает его в этой области сталинское единодержавие, особенно с той поры, как оно стало напяливать на себя плащ «самой совершенной демократии». И еще меньше забываю я о том, что предвоенный «царизм» с его самовластьем, кнутом и даже карательными экспедициями, военно - полевыми судами и столыпинскими виселицами вообще может еще почитаться образцом правового режима по сравнению с тою разнузданн

ною вакханалиею «тоталитарного» произвола и террора, какою характеризуются предсмертные судороги сталинской диктатуры.

Из этого следует, что, если уже в тогдашней обстановке приходилось напоминать: «пройдет много времени и будет затрачено бесконечно много усилий, прежде чем борьба за легальность будет поставлена так широко, как это требуется интересами рабочего дела», — то теперь надо быть еще осторожнее и скромнее в оценке времен, сроков и непосредственных достижений этой борьбы. Но теперь, как и тогда, «это не мешает тому, что уже теперь нужно иметь в виду такую широкую постановку вопроса о борьбе за легальность; что именно такая постановка вопроса должна определять собою все частные шаги социалдемократического рабочего авангарда». И если тогда можно было с уверенностью говорить, что «все шансы победы заранее на стороне рабочих, как бы ни сочились кровью наносимые им раны и как бы велики ни были требования, пред'являемые к их настойчивости и энергии», а теперь такой самоуверенный оптимизм в оценке перспектив был бы совершенно неуместен, — то это, опять-таки не мешает тому, что историческая обстановка и теперь, как тогда, повелевает рабочему классу «не отказом от легальности, а удесятеренной, концентрированной, об'единенной борьбой за легальность» ответить на стремление контр-революции лишить его всяких легальных способов свободного и организованного проявления своей коллективной воли, допуская для него лишь коллективность людского стада, «об'единяемого» бичомъ пастуха-наркомвнудельца.

Повторяю: столь «стопроцентным» оптимистом в отношении исхода этой борьбы за легальность, как 28 лет тому назад, в современных, по-революционных условиях быть нельзя. Возможно, что, несмотря на самую настойчивую и энергичную «борьбу за легальность», рабочий класс все-же потерпит поражение, подготовляемая сталинским единодержавием контр-революция все-же одержит победу. Поражение рабочего класса, сначала сбитого с толку, а потом взнузданного, распыленного и в некоторых своих слоях даже деморализованного 20-летнею диктаторски террористическою политикою всех, сменявших друг друга, но одинаково практиковавших принципы «вождизма», большевистских фракций, всегда возможно; при отказе рабочего класса от «борьбы за легальность» поражение это стало бы неизбежным, более того, — он собственными руками содействовал-бы своему поражению и победе контр-революции. Но поражение в борьбе подготовляет скорейшее возрождение движения; поражение без борьбы, да еще подготовленное собственными руками, надолго парализует и деморализует его. Это элементарно. Но что-же делать, когда понятная эмоциональная реакция на ужасы современной действительности так часто приводит к значительно менее понятному забвению элементарных истин марксистской методологии и заставляет напоминать о них хотя бы цитатами из статей свыше чем четверть-вековой давности?

Но надо-ли и теперь, через 28 лет, повторять, что «борьба за легальность ни в каком смысле не означает капитуляции перед «существующим режимом»; что она «не имеет ничего общего с вымаливанием легализации у «господ положения» и даже прямо противоположна такому «вымаливанию»; что борьба эта есть «задача политическая»; что, ставя ее себе, социалдемократы «тем самым выходят за пределы чисто-профессиональных или чисто-кооперативных и чисто-просветительных задач», а вместе с тем в наличных условиях «неминуемо выходят за пределы «легальности»?

«Политическая борьба, как необходимая предпосылка открытого существования и не-политических рабочих организаций; нелегальное сплочение, как необходимое орудие в борьбе за легальность; — это, быть может, звучит парадоксально. Но на самом деле это — исторический факт, к которому уже подведено русское рабочее движение всем ходом своего развития», писал я тогда, задумываясь о путях возрождения партии, разбитой контр-революционным вихрем, сменившим революционный ураган 1905-6 годов. Конечно, теперь, в 38-м году и размах «борьбы за легальность», и пути, и формы, и точки приложения ее — все это совершенно иное: старые тактические формулы, рецепты и догматы к современным условиям неприложимы, надо искать новых форм и новых путей борьбы. Но метод их искания, а потому и метод работы над возрождением партии должен оставаться тот-же.

Ключ к разрешению двуединой проблемы революционно-демократического преодоления выродившейся в сталинское единодержавие большевистской диктатуры и революционно - демократического завершения русской революции, с одной стороны, возрождения социалдемократии, как политической партии рабочих масс, с другой, лежит в организованной самодеятельности рабочихи масс — притом не той мнимой (излюбленной большевиками) самодеятельности, которая предполагает превращение рабочей массы в «мозолистый кулак», выполняющий «директивы» думающей за него «профессионально-революционной» элиты, а той подлинной самодеятельности, которая аппелирует не только к рукам, но и к голове рабочих масс, не только к их физической силе, но и к их разуму и сознанию, и оставляет на долю их авангарда лишь подитоживание, обобщение и практически - политические выводы из их собственного опыта: в этой области более, чем где-либо, именно опыт большевистской революции диктует нам верность нашей традиционной, меньшевистской политической методологии!

Но кто-же из сохранивших верность этой «методологии» может серьезно думать, что в обстановке, где трудящиеся массы превращены в людскую пыль, где начисто истреблены и все зачатки свободных массовых организаций, и все нелегальные партийные ячейки, и где и собственное разочарование масс, и давление террора, и два десятилетия одуряющей, монотонной проповеди монопольной печати породили широчайшую «аполитичность», — кто может серьезно думать, что в такой обстановке такая самодеятельность может зародиться и властно проявить себя в хаосе стихийно-революционного массового взрыва? Кто может не понимать, что в этой обстановке речь может идти именно лишь о революционном хаосе, в котором рабочие и крестьянские массы еще в гораздо большей степени, чем во время революций 1905 и 1917 года, будут поглощены разрешением своих местных и частных задач, но в котором их бурное движение, в отличие от этих двух революций, имеет все шансы быть «возглавленнымъ и «использованным» не несуществующими ныне мощными революционными партиями, а единственно и исключительно теми контр-революционными элементами, которые, гнездясь на вершинах советского государственного аппарата и пользуясь его рычагами, одни только имеют возможность централизованного и организованного политического действия?

Действительная организованная самодеятельность масс может зародиться и развиваться лишь на почве отстаивания ими, прежде всего, самых элементарных и насущных интересов своих в рамках «существующего строя» и, следовательно, в борьбе за использование для такого отстаивания тех «легальных» рычагов, ко-

торые им этот строй дает. *Начала* самодеятельного и организованного движения трудящихся масс приходится поэтому ожидать прежде всего «на местах» — на фабриках и заводах, в колхозах, в борьбе вокруг и на почве местных советов и т. д. — и в формах, свидетельствующих о крайней узости его содержания, — и задачей социалдемократии в этом случае будет, не отрываясь от этого «узкого» движения и ни в коем случае не противоставляя себя ему, шаг за шагом вносить въ него то *политическое* содержание и ту «*широкую постановку*», которые, как в зерне, включены в нем самом и в самом «зародышевом» периоде его.

Мне уже приходилось говорить, что никто не может предусмотреть темпа, в котором совершится переход от «узкого» и местного характера организованной массовой самодеятельности к характеру «широкому» и общегосударственному: те глубочайшие изменения, которые 20-летний революционный процесс внес в психику масс, быть может, сделают эти темпы гораздо более быстрыми, чем этого можно ожидать сейчас. Но, как бы то ни было, весь вопрос заключается в том, имеются-ли в современной советской действительности те «зацепки», за которые трудящиеся массы могут «ухватиться», чтобы начать самодеятельную борьбу за свои, хотя бы самые элементарные, интересы.

Если их вообще нет и быть не может, то это значит, что дело демократически революционной ликвидации сталинской диктатуры безнадежно, что победа контрреволюции предрешена, и что надо ждать «правового порядка» контр-революции, чтобы в новых формах и новых условиях начать борьбу за демократию и социализм. Но тогда незачем говорить о «революционном» отношении к сталинскому единодержавию и прочих хороших вещах, тогда надо прямо сказать, что *сейчас* рабочему классу и социалдемократии не остается ничего другого, как *капитулировать* перед контрреволюцией, грядущей на смену Сталину, в ожидании, конечно, что самый приход ее «разбудит» трудящиеся массы, «даст толчок» их движению и пр., — выражения, лишь несколько иначе описывающие и слегка вуалирующие, но не устраняющие самого *факта* капитуляции.

Наоборот, если указанные «зацепки», хотя бы в самой зачаточной форме, существуют, то незачем гадать о сроках и темпах и незачем декламировать о совершенно несомненных гигантских трудностях, — надо звать всех, кому дорого дело демократии и социализма, напречь все усилия для использования этих легальных зацепок, в полном сознании, что *других путей* двинуть массы на разрешение той задачи революционно-демократической ликвидации сталинского единодержавия, которую только их самодеятельное и организованное движение и может разрешить, *нет и быть не может*.

Я уже неоднократно имел случай говорить, почему то противоречие и та двусмысленность, которые внесены в режим сталинского единодержавия новой конституцией, создают и не могут не создавать известных трещин в этом режиме, за которые могут, должны и, что важнее всего, несомненно будут «цепляться» трудящиеся массы для борьбы за «легальное» отстаивание своих интересов. Позволю себе ту же мысль выразить опять-таки словами старой, уже столько раз использованной мною статьи — и это будет последняя цитата из нее:

> Политическая двусмысленность — непременное условие существования «обновленного строя» (тогда имелся в виду «третье-июньский» столыпинский строй, теперь — строй сталинского единодержавия, обновленный «самою совершенною демократией»! **Ф. Д.**), пока он не доведен еще развитием внутренних противоречий до необходимости совершить открытый государственный переворот, равносильный для него прыжку с закрытыми глазами в пропасть. Но диалектика исторического развития таких политических двусмысленностей в том и заключается, что социальные силы наполняют пустую форму совсем иным социально-политическим содержанием, чем то мерещилось ее авторам. И столыпинский (сталинский!) «обновленный строй» не может избежать этой судьбы политических ублюдков. Его подтачивают одинаково и его друзья, безрассудно спешащие освободиться от стеснений, налагаемых на их аппетиты прискорбною необходимостью сохранять двусмысленность, и его враги, в этой самой двусмысленности находящие опору для борьбы за свои требования, не укладывающиеся в рамки третье-июньского (сталинского!) строя.

В годы, последовавшие за написанием этой старой статьи, мы наглядно видели неудержимое наростание указанных в ней противоречий, приведшее через 7 лет «политическую двусмысленность» столыпинского режима к взрыву, которому суждено было произойти в обстановке военной разрухи. Я отнюдь не хочу сказать, что ликвидация сталинской «политической двусмысленности» будет совершаться в сколько-нибудь сходных темпах, формах и обстановке. Наоборот, все будет, вероятно, совершенно иным, и никто не может предсказать, каким именно оно будет.

Но дело идет не о невозможном или возможном лишь в крайне ограниченных пределах предвидении конкретного хода событий, а о выяснении основных линий и тенденций развития; не о тактических рецептах, а о политических методах. И с этой точки зрения «борьба за легальность» теперь, еще более, чем 28 лет тому назад, становится основной революционной задачей советского рабочего класса. Только борясь за овладение легальными рычагами новой конституции, может он ликвидировать сталинское единодержавие не в пользу какой-либо другой, экономически, социально и политически контр-революционной диктатуры, а в пользу демократии, сохраняющей основные завоевания революции, ее органическую связь с освободительным движением мирового пролетариата, а потому и возможности дальнейшего продвижения ее к социализму.

Р. АБРАМОВИЧ.

От итало-британского соглашения к "пакту 4-х"

После международной паники, охватившей Европу в дни гитлеровского похода на Вену, наступил период относительного спокойствия и какого-то общего «разряжения атмосферы». Значительную роль в этом переломе несомненно сыграло англо-итальянское соглашение, заключенное 16-го апреля. Соглашение, подписанное графом Чьяно и британским послом лордом Перт, сопровождается восемью дипломатическими актами, из которых один касается «статуса кво» в западной части Средиземного моря; другой — трактует об Испании; а шесть остальных касаются различных конкретных вопросов: границ владений и сфер влияния в Африке, на берегах Нила, в Аравии; пропаганды среди арабов; Палестины и Суэцкого канала. Мы имеем, следовательно, на этот раз уже не просто туманное «джентельменское соглашение», в котором важно не столько конкретное содержание, сколько общий тон, — а, наоборот, совершенно конкретную и детализированную попытку сговора по всем спорным вопросам, разделявшим до сих пор империи британскую и ново-римскую. Мало того, соглашение это было скреплено торжественным визитом британского военного министра Хор-Белиша в Рим и специальным соглашением о периодическом обмене военными сведениями между генеральными штабами обеих стран.

С этим знаменательным событием, имевшем огромный резонанс во всей мировой политике, совпала (можно предполагать, что не совсем случайно) смена кабинета во Франции, заместившая в Матиньонском дворце Леона Блюма Даладье, а на Кэ д'Орсэ — Поля Бонкура Жоржем Боннэ, интимные связи которого с лондонским Сити общеизвестны. 19-го апреля в Риме начались переговоры между графом Чьяно и французским поверенным в делах Блонделем. Судя по заявлениям оффициозной прессы, переговоры эти уже успели обнаружить «отсутствие каких бы то ни было серьезных расхождений между обеими нациями». Газеты полагают, что «оффициальные переговоры смогут начаться в кратчайший срок».

Одновременно с этим оффициально сообщается о предстоящей (28 апреля) поездке Даладье и Боннэ в Лондон, и в осведомленных кругах полагают, что лондонские переговоры закончатся установлением самого тесного военного союза между Францией и Англией.

Две величины, порознь связанные с третьей, связаны между собой. Эта теорема имеет силу не только в механике, но еще больше в международной политике. Если исходить из этого, надо было бы признать создание треугольника «Лондон-Рим-Париж» почти совершившимся фактом. Это — как раз то, о чем мечтают некоторые влиятельные круги консервативной партии в Англии и сторонники соглашения с Италией во Франции. Это — представление, что ценой значительных уступок Италии ее можно оторвать от Берлина...

В защиту этой возможности приводится целый ряд соображений. Не только в правой и умеренной печати, которая всей своей политической ориентацией предрасположена к подобного рода гипотезам, но даже и в части левой печати, никаких особых симпатий к Муссолини не питающей, усиленно муссируются слухи о расхождении между Римом и Берлином, которое будто бы все больше углубляется. Передают, что поведение Шушнига в роковые дни перед 12-ым марта было фактически подсказано ему Муссолини; что Италия исподтишка делала все для того, чтобы помешать аннексии Австрии гитлеровской Германией; что поход Гитлера на Вену оказался неожиданностью и ударом не только для всей Европы, но и для того самого Муссолини, которому Гитлер в день похода телеграфировал, что он его «никогда не забудет»...

Тов. Жексас в брюссельском «Пэпль» от 19-го апреля утверждает, что дипломатическое поражение Италии в дни германской оккупации Австрии вызвало во всей Италии, и даже в широких кругах самой фашистской партии, сильную реакцию и недовольство Муссолини, престиж которого будто бы в эти дни чрезвычайно пошатнулся. Аннексия Австрии явилась для Италии гораздо большим национальным поражением, чем это можно себе представить. Обойденная своим «союзником», угрожаемая скопленными у Бреннера германскими дивизиями, Италия почувствовала необходимость диверсии и перестраховки. Отсюда — сближение с Англией, отсюда — стремление к аналогичному сближению и с Францией. Англо-французское военное соглашение, привешенное к итальянскому концу оси Рим-Берлин, должно для Муссолини послужить спасительным противовесом против опасного прироста веса Великой Германии, образовавшейся после аннексии Австрии.

Возможно, что во всех этих гипотезах и построениях есть частицы истины. Возможно, и даже вероятно, что Муссолини совсем не прочь был бы выгоды, которые он получает от сотрудничества с Берлином, пополнить «интересной прибылью», которую могло бы ему дать соглашение с консервативной Англией и переходящей в консервативный лагерь Францией. Но это только означало бы, что к союзу Лондон-Рим-Париж вскоре прибавился бы еще и Берлин, что англо-франко-итальянское соглашение является лишь прологом к тому «пакту четырех», о котором давно уже мечтают реакционеры всех стран.

Правда, все это еще является «музыкой будущего» Правда, пока еще и англо-итальянское соглашение является лишь условным и провизорным и должно вступить в силу только по выполнении целого ряда предварительных условий, одним из которых является — поражение и гибель республиканской Испании, — той самой Испании, которая пока еще совсем не собирается сдаваться и продолжает героически бороться до самого конца. Но, несмотря на всю проблематичность и гипотетичность указанной выше перспективы, было бы чрезвычайно крупной и тяжелой ошибкой для социалистических партий закрывать глаза на то, что тенденции, и весьма сильные, в сторону указанного пакта безусловно имеются во всех заинтересованных странах *).

*) В противоположность этому некоторые обычно хорошо осведомленные американские органы высказывают предположение, что на угрозу отрыва Рима от Берлина последний ответит молниеносным ударом по Чехословакии. Другими словами, попытка Чемберлена не противопоставить Англию и Францию фашистскому блоку, а уступками Италии ослабить Берлин, приведет, и в самой катастрофической форме, к дальнейшему усилению Берлина и к новой капитуляции демократических стран пред осью Рим-Берлин.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Опаснее всего при этом то, что формирование и создание «блока четырех» на ближайший период, по крайней мере на ближайшие годы, действительно могло бы дать некоторую иллюзию наступившего успокоения и умиротворения, отодвигания опасности войны на неопределенно долгое время. Народы так жаждут мира, население во всех странах с таким трепетом ужаса относится к возможности войны, все зверства которой вновь и все наново демонстрируются событиями в Испании и Китае, что они готовы ухватиться за всякую возможность, даже обманчивую, избежать войны или хотя бы ее отдалить. Терроризированные представлением о тех ужасах и страданиях, с которыми связана военная катастрофа, народные массы начинают жить сегодняшним днем, стараются не думать о более отдаленных перспективах, становится склонными итти на самые тяжкие сделки с своей политической и международной совестью и следовать по пути того близорукого «священного эгоизма», который в данной обстановке фактически является лишь особым видом квалифицированного национального самоубийства.

Нужно ли доказывать, — и не подтверждает ли это пример Англии?, — что политика «двусторонних соглашений» вокруг оси Рим-Берлин с первого же момента требует самых тяжких морально-политических и всяких других жертв? Не построено-ли англо-итальянское соглашение от 16-го апреля на предательстве Испанской республики, на нарушении всех торжественных обещаний, данных в свое время Эфиопии, на отказе от принципа коллективной безопасности и, следовательно, на фактической измене тому, что составляло основу и единственный смысл существования Лиги Наций? Не ясно-ли, что и франко-итальянское соглашение, если оно состоится, явится лишь сколком с англо-итальянского и, следовательно, будет содержать в себе ту же капитуляцию перед политикой воинствующего фашизма, какая произошла в Англии? Не ясно-ли, наконец, что об'ективным смыслом «пакта четырех» в данной обстановке может явиться только — «свобода действий» для германского империализма в Центральной, юго-восточной и восточной Европе?

О, конечно, последние результаты этой пагубной политики скажутся не сейчас. Сейчас азиатский контрагент «анти-коммунистического блока» — Япония — еще слишком увяз в Китае, где он встретил неожиданно сильное сопротивление. Сейчас Италии еще придется залечивать свои раны в Эфиопии. Сейчас Гитлер еще не закончил своих военных и экономических приготовлений. Сейчас притаившиеся хищники ждут еще дальнейшего развертывания роковой эволюции сталинского режима, которая должна довести до крайнего предела внутреннее обессиление России и превратить ее в зрелый плод для фашистской жатвы.

Но за этими годами обманчивого покоя тем с большей силой разразится неизбежная катастрофа. Или же мир в своем ослеплении и в своей жажде покоя добровольно наденет на себя ярмо самого тяжкого и самого унизительного фашистского рабства...

Социалистические партии в странах демократии не должны закрывать глаза на те опасности, которые таятся в последней фазе международного развития и в той дипломатической активности, которая сейчас проявляется в ряде стран. Майское воззвание нашего Интернационала ясно формулирует ту задачу, которая стоит перед сознательными социалистическими рабочими всего мира. Пример некоторых рабочих организаций в Англии указывает нам и практический путь для воздействия на политику правительств. Так, рабочие химической промышленности Англии из'явили готовность участвовать активно в довооружении Англии и принять на себя предложенные им правительством условия работы, если правительство со своей стороны примет на себя ряд обязательств, в том числе — восстановление свободы покупки оружия для Испании, верность принципу коллективной безопасности и т. п.

Мир вступает сейчас в самую опасную фазу международных отношений. Социалистическому пролетариату необходима самая большая зоркость и бдительность, самое сильное напряжение всех его сил и всей его энергии для того, чтобы предотвратить роковой исход.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ГОЛЛАНДСКИЕ ТОВАРИЩИ О ЗАЩИТЕ МИРА.

С.-д. партия и федерация профсоюзов Голландии выпустили совместно манифест, в котором, ссылаясь на оккупацию Австрии Гитлером, на открытую помощь, оказываемую Муссолини в Испании генералу Франко, и на опасности, грозящие всем малым странам, в первую очередь Чехословакии, говорят:

«Несчастие сможет быть предотвращено лишь в том случае, если народы, стоящие на почве международного права, сумеют сплотиться для решительного сопротивления. Вымогательская политика, этот брутальный блэфф фашизма, опирается на сознание, что демократические народы не решаются на такое энергичное сопротивление. Фашизму удается подрывать таким образом их силу сопротивления, аттаковать их поодиночке и подчинять своему насильственному господству.

«Современное рабочее движение, представленное с.-д. партией и профессиональным движением, считает носителем принципов международного права Лигу Наций. Оно осуждает политическую робость, начисто отказывающуюся от совместных действий для предотвращения грозящей военной опасности и от методов коллективной безопасности. Такая политика играет лишь в руку воинствующим европейским диктаторам.

«Коллективная безопасность ослаблена и поставлена под угрозу главным образом потому, что Франция и Англия оказались неспособны к энергичной борьбе за укрепление взаимного международного доверия. Жизненные интересы малых стран требуют, чтобы они настойчиво напоминали этим великим державам об обязанностях, возлагаемых на них Лигою Наций, а не освобождали их от этих обязанностей. Разумеется, в этом случае и малые страны не могут уклоняться от лежащих на них обязанностей и от своей доли ответственности».

Формулируя ряд вытекающих отсюда требований к внешне-политической ориентации голландского правительства и требуя от него энергичной борьбы и с внутренним национал-социализмом, поднимающим за последнее время голову, манифест кончает:

«Нидерландская Федерация Профсоюзов и С.-Д. Рабочая Партия констатируют, что правительство сможет вести эту борьбу с тем большим успехом, чем больше оно будет применять меры, способные действительно сокращать массовую безработицу, от которой страдает наш народ.

«Более, чем когда-либо, необходима широкая политика под'ема народного благосостояния, чтобы отнять почву у фашистской опасности...

«Мы хотим международной солидарности всех мирных народов. Ею еще и сегодня для нашего поколения может быть обеспечен мир!

«Мы хотим предотвращения фашистской опасности в нашей собственной стране политикой под'ема благосостояния нашего народа.

«Мы хотим политики свободы и мира, политики, обеспечивающей благосостояние, работу и хлеб».

РОСТ ДАТСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Согласно отчету за 1937 год, число членов датской соц.-дем. партии возрасло за этот год на 8.000, так что партия насчитывает теперь 199.283 платящих членов, а с 12.051 неплатящими (старики-пенсионеры и т. п.) — свыше 210.000. Всего за 9 лет пребывания у власти правительства Стаунинга было вновь организовано 250 местных комитетов партии, а число членов возрасло на 50.000. Женская организация насчитывает 84 комитета и 68.190 членов, юношеская возрасла в 1937 году на 68 отделов и 6.609 членов и насчитывает всего 365 отделов с 27.500 членами, в детской организации «красных соколят» имеется в 127 отделах 11.409 детей.

На состоявшихся в 1937 году муниципальных выборах партия одержала большую победу, и притом как в городах, так и в деревне. В Копенгагене, по сравнению с 1933 годом, число голосов, поданных за партию, возрасло на 34.915: с 126.940 (61,6% всех голосовавших) до 161.855 (64,6%). В 80 городах и местечках страны число голосов возрасло на 43.698. Наново завоевано было 17 городов, так что с.-д. большинство имеется теперь в 50 городах. В сельских округах прирост голосов составлял 54.249. Число муниципальных мандатов социалдемократии возрасло на 360, так что она располагает теперь 2.425 мандатами. Из 1.303 сельских коммун лишь в 236 нет с.-д. представителей. В 66 сельских коммунах имеется с.-д. большинство, и еще в 34 социалдемократы стоят во главе органов самоуправления.

К ВСТУПЛЕНИЮ НОРВЕЖСКОЙ РАБ. ПАРТИИ В РСИ.

В № 4 «С. В.» мы говорили об единогласном решении Центрального Совета Норвежской Р. П. подать заявление о вступлении партии в РСИ и передать утверждение этого решения на голосование членов партии. Ныне партийный плебисцит закончился, и из 41.469 членов партии, принявших в нем участие, 36.075 высказалось за предложение Ц. С., 3.951 против и 1.443 воздержалось. В силу этого Норвежская Р. П. обратилась 28 марта в секретариат РСИ с официальною просьбою о принятии ее в состав РСИ.

Норвежская Р. П. имеет в настоящее время 3.200 местных организаций, насчитывающих в общей сложности 150.000 членов. На выборах 1936 года партия получила 618.000, т. е. 42,51% всех поданных голосов: 41% в сельских округах и 46% в городах. В парламенте партия занимает 70 депутатских мест из 150. С марта 1935 г. Норвегиею правит чисто рабочее правительство.

ПО РОССИИ

ПОД УДАРАМИ СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА

(Из наблюдений и переживаний итальянского коммуниста).

(Окончание).

Ловушка.

После этого следователь громко прочел мне написанный по русски протокол, спросил меня, соответствует-ли он тому, что я показал, и на мой утвердительный ответ предложил мне подписать его. По наивности, не умея читать по русски и доверяя тому, что мне было прочтено, я подписал, не подозревая, как жестоко меня в этот момент обманули.

Лишь на следующем допросе я увидел впервые итальянского переводчика, который, угостив меня чаем и едой, спросил меня, точно-ли я троцкист. Удивленный, я сказал, что никогда троцкистом не был. Тогда он показал мне подписанный мною протокол, утверждая, что протокол этот содержит в себе мое сознание в принадлежности к троцкистам и во всех преступлениях, пред'явленных мне обвинением. Взбешенный, я протестовал против совершенной надо мною гнусности и, потребовав бумаги и чернил, письменно изложил мои действительные показания, заявив, что впредь буду подписывать лишь протоколы, написанные по итальянски. Вернувшись в тюрьму, я об'явил голодовку, требуя приезда прокурора для аннулирования первого протокола: мне пришлось голодать 9 дней, пока явился прокурор, удовлетворивший мое требование.

Спустя несколько дней я снова был вызван к следователю, но категорически отказался говорить или подписывать что-либо. Он всячески пытался переубедить меня, то предлагая мне угощение, то грозя, что сгноит меня в тюрьме. Ничто не помогало. Наконец, недели 2-3 спустя я был подвергнут допросу, наиболее суровому из когда-либо испытанных мною.

Допрос вели в Лубянской тюрьме следователи, одетые в штатское и сменявшие один другого. 5 дней и 5 ночей они допрашивали меня все об одном и том-же. Когда я падал от усталости, засыпая, палачи мои будили меня, давая нюхать нашатырный спирт. Наконец, доведенный до отчаяния, я в припадке бешенства опрокинул стол, за которым сидел. Начиная с этой минуты, я потерял сознание и очнулся уже в своей камере.

Через некоторое время я был переведен в общую камеру, где оставался лишь несколько дней. Оттуда меня на день привезли в участок, где я встретил политических эмигрантов, Скариоли и Паппа, которые, под влиянием запугивания и вымогательства, признали все, в чем следователь их обвинял.

Приговор.

Нам пред'явили наш приговор, составленный в немногих словах. Нам об'являли, что специальное совещание ГПУ приговорило Паппа и Скариоли к 5 годам концлагеря, а меня к высылке из СССР. Чтобы понять это различие, надо помнить, что П. и С. приняли в свое время советское гражданство, я же остался итальянцем.

Меня перевели кв камеру высылаемых. Я встретил тут немцев, греков, китайцев, чехов. К моему изумлению я узнал, что некоторые из них сидят в этой камере уже по 2, по 3 и даже 4 года!

Вымогательство показания.

22 июля к моему великому удивлению меня снова вызвали на допрос: тот-же следователь уверял, будто у меня был найден револьвер, обоймы и 250 патронов. Я категорически заявил, что в России никогда не имел в своем распоряжении оружия; что же касается того, которое у меня было в Европе, я сдал его партийной организации. Я потребовал, чтобы мне показали «вещественное доказательство».

Следователь настаивал, уверяя, что ему известно даже лицо, доставившее мне это оружие: мой шурин Коля, сам служащий ГПУ. Следователь опять пустил в ход все приемы, начиная от комплиментов и обещания тотчас же отпустить меня заграницу и кончая угрозой бессрочно запереть меня в камере. Он хотел, чтобы я подписал заранее заготовленный протокол, на основании которого можно было бы расстрелять и меня, и моего шурина. Я ответил, что подпишу лишь протокол на итальянском языке и притом соответствующий моим об'яснениям.

Тогда следователь велел ввести двух рослых полицейских, которые уселись рядом со мною, и сказал, что до сих пор он был со мною вежлив, но что теперь он сумеет заставить меня заговорить. Я продолжал отказываться. Один из полицейских приказал мне говорить. Я спросил его, какое имеет он право вмешиваться. Тогда другой сказал, что и помимо меня бывали упорствующие, да вынуждены были смириться. Я оставался однако непоколебимым, и следователь отослал полицейских, пытаясь снова уговорить меня.

Выведенный из терпения, я сказал ему, что, если он мужчина, то ему остается лишь стрелят в меня и прекратить наконец эту сцену. Я разорвал рубаху и, обнажив грудь, кричал, чтобы он стрелял. Видя, в какое исступление я пришел, он распорядился отправить меня обратно в камеру.

В дороге.

18 сентября я был отвезен на вокзал и только в поезде узнал, что меня направляют в Одессу через Харьков. В харьковской тюрьме я пробыл 4 дня. Узнав об отправке в Одессу партии арестантов, в которую меня не включили, я заявил протест и отказался вернуться в камеру. Меня жестоко избили и с окровавленным лицом поволокли в камеру. В этот момент явился комендант, сообщивший мне, что и меня отправляют. Заметив, в каком виде я нахожусь, он спросил меня, что такое со мною. Я сделал ему соответствующее заявление, прибавив, что подам жалобу, на что он мне возразил, что в России никогда не бьют арестантов.

Заканчивая свои тюремные впечатления, я вспоминаю о двух особенно тягостных случаях.

Один — это заключенный, показавший мне свой зад, совершенно черный от избиения веревкой, завернутой в тряпку. Другой — это ответ, данный мне одним надзирателем, к которому я, больной, обратился с просьбой вызвать фельдшерицу: надзиратель ответил мне, что русские лекарства — не для людей, подобных мне, не для «фашистов», которые, по его словам, могут подохнуть.

В Одессе пришлось жить в камере размером в 19 кубических метров, в которой содержалось от 25 до 30 людей. Спали мы на асфальтовом полу. На полу, только деревянном, приходилось впрочем спать и в Харькове.

Что касается пищи, то одна тюрьма не походила на другую. Так, в Москве мы получали утром 600 граммов черного хлеба, 20 граммов сахара и чай; в полдень — литр супу и вечером поллитра каши на воде. В Харькове порция хле-

ба была такою же, но сахару выдавалось лишь 10 граммов, а каши одна ложка. При этом пища выдавалась в самое различное время дня. В Одессе пища такая же, но каши выдается две ложки.

В Одессе я снова увидел своего следователя, специально прибывшего, чтобы в последний раз попытаться заставить меня признаться в обладании револьвером. Но и на этот раз ему пришлось отправиться во-свояси, не солоно хлебавши.

В одесской тюрьме я оставался до 12 января 1938 года.

Последнее прости стране Советов.

Меня отправили вечером, в сопровождении четырех солдат НКВД под командой офицера. Они посадили меня в вагон, предупредив, что при малейшем подозрительном жесте с моей стороны им приказано стрелять. Они заняли места у окон и дверей. Прежде, чем закурить папиросу, я каждый раз должен был просить у них разрешения. На одной из станций, где мы меняли поезд, стража разрешила мне послать открытку моей жене, и то было первое письмо, которое я мог написать после восьми месяцев.

Прибыв в Шепетовку, пограничную станцию, я в ожидании должен был мерзнуть четыре часа: мое платье было в лохмотьях, и голое тело просвечивало из всех дыр. Меня посадили в грузовичек, в сопровождении десяти милиционеров, и заставили стоять на ветру. В сторожке, у которой мы сошли, мне не позволили расположиться у печки, а бросили в нетопленную камеру. Благодаря одному из арестованных я смог завернуться в два одеяла, чтобы как-нибудь согреть свое посиневшее тело. Но на следующий день стража отняла у меня эти одеяла. Мои тюремщики не давали мне и горячей воды, заставляя пить холодную. На мои жалобы они отвечали мне, что я фашист, и что они будут только рады, если я подохну. Наконец, и в последний день, перед тем, как посадить меня в поезд, они заставили меня три четверти часа стоять на ветру, при 25-градусном морозе.

Перед от'ездом меня еще раз обыскали. При этом случае какой-то морской офицер начал ругать меня, как фашиста. Я ответил ему, что, если тут есть фашисты, то первый из них — он сам. Он очень разозлился, но сделать мне уже ничего не мог.

В капиталистической Польше.

За две минуты до подхода поезда к станции стража отдала мне мой паспорт, который почти сейчас же был отнят у меня польскими жандармами. Эти жандармы (грустно говорить это с точки зрения революционера, но это так) были гораздо вежливее со мною, чем их русские коллеги. Видя жалкое состояние моего платья, они дали мне пальто и отвели меня в Красный Крест, где я мог взять горячую ванну и подкрепиться пищей. Лишь на следующий день, после медицинского осмотра, я выехал в Варшаву, в сопровождении полицейских, доставивших меня в итальянское консульство этого города.

ГПУ сыграло со мною скверную шутку, отметив на моем паспорте, что я просил визу в Италию, между тем как я всегда настаивал, чтобы меня отправили в какой-либо французский порт.

Полиции капиталистических стран разрешают высылаемым выбирать границу, на которую они хотят быть доставленными, русская-же старается выслать их именно в ту страну, где над ними тяготеет приговор. Такова была учась Летрини; такова могла бы быть и моя. К счастью консул посчитался с моим категорическим заявлением, что я не хочу ехать в Италию, и предоставил мне продолжать путь по своему собственному усмотрению.

Заключение.

Таково правдивое описание пережитого мною, приехавшим в Советский Союз в качестве коммуниста, политического беженца, надеявшегося начать новую жизнь в стране, которую я считал первым пролетарским государством в мире. Читатель знает теперь, как эти надежды мои были разбиты. Я даю эти мои свидетельские показания, чтобы мой опыт пошел на пользу другим, чтобы они никоим образом не солидаризовались с жестоким и деспотическим сталинским режимом.

БИБЛИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Русский Заграничный Исторический Архив в Праге только что издал **«Библиографию русской революции 1917 г. и гражданской войны»** (составил Сч П. Постников, под ред. директора архива проф. Я. Славика). Книга является указателем литературы по всем вопросам революции и гражданской войны, составленным на основании каталога Архива, и содержит свыше 6.000 названий книг — 460 стр. По своей полноте эта библиография является пока единственным изданием подобного рода, а потому необходима для всякого, занимающегося вопросами русской революции. Книга состоит из трех частей: 1) Общая литература (библиографические указатели, сборники, воспоминания, очерки по истории революции и др.), 2) Революция 1917 г. (канун революции, хроника событий, император Николай II, Временное Правительство, Советы, Партии, Учредительное Собрание и др.), 3) Гражданская война (Советская власть, Партии, Коминтерн, гражданская война в различных областях России и др.). Помимо указанного периода (1917-1921 гг.) в книге приведена вся литература, касающаяся царствования, личности и судьбы императора Николая II, а также все сочинения наиболее видных большевиков (Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова, Радека, Томского Покровского, Калинина, Луначарского и др.).

Книга стоит 60 крон чешских, в Америке 2,50 доллара. Книгу, помимо книжных магазинов, можно получить у представителей Архива, а также непосредственно выписать ее из Архива по адресу: Rusky archiv, Toskansky palac, Praha IV, Tchécoslovaquie.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Neuer Weg, N° 6.
Delnicka Osveta, N° 2, 3.
Nouveaux Cahiers, N° 22, 23.
Independent News, N° 31, 32, 33.
Der Kampf, N° 4.
Neue Front, N° 4.
I. P. I., Informations Pédagogiques Internationales, N° 3.
Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien, N° 32.
Deutschland-Berichte, N° 3.
La Révolution Prolétarienne, N° 268.
A. Ciliga. Au pays du grand mensonge. Ed. N. R. F. 28 fr.
Brihwiba, N° 2.
Fraternité. Grand documentaire mensuel illustré. Avril 1938, N° 26.
Proletarian Outlook, vol. 4, N° 4,
Русские Записки, кн. 3.
Новая Россия, № 44.
Знамя России, № 4 (104).
Соціяль-Демократ, № 21.
Українська Воля, № 1.
Бюллетень оппозиции, № 65.
Русские Записки. Ежемесячный журнал под редакцией П. Н. Милюкова. Апрель 1938.
Русский Заграничный Исторический Архив в Праге. Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921). Из каталога библиотеки Р. З. И. Архива.

От редакции. — Следующий двойной номер 9/10 «Соц. Вестника» выйдет 25-го мая.

Le Gérant : **Paul Colliette**

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.